

экранизации романа Генриха Манна «Профессор Унрат». Она тогда многим рискнула — карьерой восходящей звезды, расположением продюсеров, да и вообще своей судьбой актрисы: Марлен ушла из Германии погромов, виселиц и гусиных церемониалов по Унтер дер Линден. Ушла потому, что не могла не только играть, но и дышать в атмосфере фашизма.

Нельзя сказать, чтобы Америка встретила ее с распростертыми объятиями. Подобно многим другим немецким актерам и актрисам, отвернувшимся от фашизма, она начала на чужбине вторую жизнь. Первая осталась позади, и в ней она уже нашла свое место у рампы, в блеске юпитеров, в окружении восторженных поклонников таланта. Новая была впереди и в неизвестности — далеко за океаном, в чужой среде, где чуть ли не все приходилось начинать сначала. Она стартовала в Голливуде — среди нетерпеливых конкуренток, в кипищем котле величайшей фабрики снов.

Впрочем, трудности старта ей уже были знакомы. В старом Берлине, едва оправившемся от потрясений первой мировой войны и инфляции, ей тоже нелегко было прорваться на авансцену

«Мюзикала» — большого варьете, где в ту пору играл Ганс Альберс. Первые дуэты, первые удачные номера, первые хлопоты. Но еще никакой славы, никаких авансов на будущее, никакого столпотворения антрепренеров в передней. Берлин тех лет имел своих кумиров. Он приглаждался к молодому Бертольду Брехту, только что раздвинушему занавес

«Трехгрошовой оперы». В театре Макса Рейнгардта изучали великую науку искусства по Станиславскому. Воображение захватывали имена громкие или имена, начинающие таковыми становиться. Куда податься певичке, пусть и с несколько необычным голосом, чья терпкость была, казалось, создана лишь для «трехгрошовых опер»?

Когда актеру Эмилю Яннингсу предложили сыграть главную роль в экранизации «Профессора Унрата», то знали, что этот широко известный «бомбомет успеха» потребует для себя малоизвестную партнершу: бомбомет любил скромный фон для своих сценических подвигов. Драматург Керл Цукмайер, будущий автор пьесы «Генерал дьявола», написал сценарий. Йозеф фон Штернберг, венский режиссер, сделавший себе имя в Голливуде, был вызван в Берлин, чтобы поставить фильм. И вот знаменитая троица — Яннингс, Цукмайер и Штернберг — начала поиски: кто мог бы стать скромным и в то же время достаточно приличным фоном для привыкшего к славе премьера? И тогда один из этой троицы случайно очутился в берлинском кабаре, где увидел девушку в реву под названием «Два галсту-

ка». Четкую отбивала она самозабвенно, пела чуть хрипловатым голосом, энергии в ней было хоть отбавляй, а имени — никакого. Так Марлен Дитрих была «открыта» для большого кино. Только стала она в нем не «фоном», как того хотел Яннингс, а примадонной.

Прошли годы. Ее голос и игра не раз завладевали экраном. Ее партнерами не раз были Жан Габен, Шарль Бойе, Гарри Купер, Тайрон Пауэр, а ателье, в которых она снималась, носили имена кинофирм, расположенных по обе стороны Америки. Некоторые из ее фильмов давно забыты: они ушли с экранов и унесли с собой в сейфы фильмотек страдания и радости своих героев. Но сама она не забыта: они ушли с экранов и унесли с собой в сейфы фильмотек страдания и радости своих героев. Но сама она не забыта. Память подсказывает мелодии старых и вместе с тем нестареющих песенок: «Скажи мне, где цветы, скажи, где они остались?»; глубокий с грустинкой голос все еще доносится с потемневшего экрана и с опустевшей эстрады.

«Цветы здесь, Марлен, они у ваших ног», — как бы слышатся в ответ возгласы из публики. Ведь в ее глазах Марлен так и не стала бабушкой, потому что секрет вечной молодости она действительно разгадала.